

Происхождение человека и древнее расселение человечества. Труды Института этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1951, 538 стр., тираж 500 экз., цена 32 руб. 80 коп.

Сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества» состоит из ряда статей известных советских ученых и касается многих вопросов, которые интересуют не только специалистов-антропологов, но и всех, занимающихся смежными науками. В качестве одного из последних я хотел бы высказать свое мнение по некоторым вопросам, затронутых в сборнике.

Сборник делится на два отдела: 1. «Происхождение человека и его рас». 2. «Древнее расселение человечества». В первом отделе статьи В. П. Якимова «Ранние стадии антропогенеза», Я. Я. Рогинского «Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека» и В. В. Бунака «Происхождение речи по данным антропологии» объединяются единством тематики и, как увидим ниже, единством взглядов на некоторые основные вопросы этой тематики. Статья С. Н. Замятниной «О возникновении локальных различий в культуре неолитического периода» посвящена чисто археологической проблеме вне прямой связи с антропологией и стоит несколько особняком среди других статей сборника. Статья Н. Н. Чебоксарова «Основные принципы антропологических классификаций» посвящена методике антропологических исследований и выходит за границы близкого мне круга вопросов.

Во втором отделе М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Г. Ф. Дебеч, В. В. Гинзбург, А. Трофимова, В. В. Бунак и С. А. Токарев на основе антропологических данных

рассматривают проблемы заселения человеком Европы, Азии, Америки, Австралии и Океании. Из всех этих статей я остановлюсь только на статье Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова «Проблемы заселения Европы по антропологическим данным», так как в этой статье авторы используют значительный, хотя и компилятивный, археологический материал.

Весь сборник в целом, несомненно, представляет большой интерес для всех специалистов по древнейшей истории. В самом начале следует отметить разнообразие поднятых вопросов и тщательную их разработку, убедительность и оригинальность их разрешения, а также острую критику взглядов буржуазных ученых на затрагиваемые в сборнике проблемы. Хорошо, что каждая статья начинается с краткого критического обзора историографии вопроса.

Весьма интересна тщательная сводка сведений об австралопитеках, данная в статье В. П. Якимова, и обработка этих сведений под углом зрения проблемы превращения обезьяны в человека. Автор тщательно анализирует процесс развития одной из групп древнейших гоминид. На основании исследований Дарта, установившего по костным остаткам из Таунга, Штеркфонтейна и Макапангата, что австралопитеки охотились на павианов и, может быть, на крупных копытных, В. П. Якимов делает вывод, что охота, как форма хозяйства, не возникает на сравнительно поздней ступени развития человека, но была уже присуща его еще дочеловеческим предкам, и что поэтому неправильна позиция тех археологов, которые преувеличивают роль «собираательства» на ранних ступенях существования человека (стр. 23).

С большим интересом читается статья Я. Я. Рогинского, в первой части которой дан подробный критический разбор основных работ о происхождении человека за последние 200 лет. Не менее внимания привлекает попытка В. В. Бунака выяснить на основе антропологических данных последовательный ход развития речи.

Эти три взаимно дополняющиеся статьи дают достаточно подробную характеристику исторического развития древнейших людей от стадии формирующегося человека до кроманьонца так, как этот процесс представляется в настоящее время в свете работ советских антропологов.

Авторы не во всех подробностях согласны в своих выводах; впрочем, редакция сборника оговорила это в предисловии, отметив одновременно, что по основным вопросам антропо- и расогенеза взгляды авторов совпадают. Повидимому, такая общность взглядов имеется у всех трех авторов и по тому вопросу, по которому я считаю необходимым высказать совершенно противоположное мнение. Я имею в виду выдвинутую ими гипотезу о двух равнозначных качественных скачках в развитии человека и представлении о древнейших людях нижнего (и среднего) палеолита, как о «ненастоящих» людях, как о «стаде» обезьяно-людей. Эта гипотеза, упорно подчеркиваемая во всех трех статьях, не может не вызвать возражения.

Уже В. П. Якимов, несмотря на цитируемое им высказывание Ф. Энгельса: «Первый исторический акт этих индивидов, благодаря которым они отличаются от животных, состоит не в том, что они мыслят, а в том, что они начинают производить *себе средства к существованию*» (см. стр. 8), все же в дальнейшем дает совсем иную трактовку вопроса о происхождении человеческого общества, повторяющуюся затем в статьях Я. Я. Рогинского и В. В. Бунака. Если очистить эту гипотезу от шелухи той научной терминологии, которая, по замечанию А. Герцена, нередко затемняет смысл, то в обнаженном виде она представится, как утверждение, что настоящий человек возник не с изготовлением первых орудий труда, а только в верхнем палеолите. Только так можно понять следующее положение В. П. Якимова:

«После величайшего события в истории развития природы — появления искусственно изготовленных орудий труда, определяющего появление самого человека, второй „перерыв постепенности“ в развитии материальной культуры как раз совпадает с моментом перехода от неандертальцев к homo sapiens...»

Обезьяно-люди и неандертальцы являются двумя последовательными филогенетическими генерациями гоминид, эволюционное развитие и смена которых протекали в пределах одной стадии антропогенеза. Обезьяно-люди — начальный период этой

стадии, тогда как неандертальцы — завершающая фаза, непосредственно предшествующая появлению *homo sapiens*. Питекантропы, синантропы и неандертальская группа являются формирующимися людьми (Энгельс), постепенное развитие которых привело к новому виду готовому человеку — *homo sapiens*» (стр. 52).

Это заявление В. П. Якимова представляет собой ревизию марксистского положения о том, что со времени изготовления «самого грубого каменного ножа» (Ф. Энгельс) мы имеем дело уже с людьми. С явной натяжкой В. П. Якимов пытается подкрепить свою гипотезу произвольной интерпретацией двух отрывков из произведений В. И. Ленина¹. А что же представляют собой эти «два скачка» в развитии человека, два качественных скачка? Что это за этап в развитии человека — «обезьянолюди»? Более четкое определение этих «скачков» мы находим в статьях других авторов сборника. Так, например, Я. Я. Рогинский пишет (стр. 192): «...подлинно человеческое общество ... сложилось только вместе с типом *homo sapiens*, сменив собою первобытное стадо неандертальского человека». А ниже (стр. 194) он же заявляет: «С философской точки зрения, в этом типе человека (*homo sapiens*. — А. Б.) нужно видеть новое качественное явление, существенно отличное от неандертальской стадии развития». Наконец, еще ниже ставится точка над *i* (стр. 196): «Невозможно даже представить себе подлинно человеческие отношения между людьми без достаточно развитой речи и мышления».

Так авторы сборника докатились до утверждения, что труд создал только «обезьянолюдей» (синантропа, неандертальца) и что только развитие мышления и речь создали «настоящего человека» — *homo sapiens*. Но ведь это — чистейший идеализм!

Утверждение Я. Я. Рогинского, что развитая речь возникла только с *homo sapiens*, старается подтвердить В. В. Бунак в статье «Происхождение речи по данным антропологии». Я не компетентен дать отзыв об антропологических исследованиях В. В. Бунака. Но ведь по словам самого автора, «современная антропология может известной приближенностью (только с «известной приближенностью»), а какой именно? — А. Б.) восстанавливать структурные особенности речевых органов древнейших людей, а сопоставляя их со звуковыми сигналами антропоидов и с археологическими фактами, наметить ранние этапы развития речевой функции» (стр. 206). Предлагаемая В. В. Бунаком гипотеза о последовательных этапах развития речи достаточно остроумна; правда, она спорна в ряде моментов, например в том, что для начальной стадии характерны односложные, неизменяющиеся, не связанные друг с другом многозначные слова» (стр. 273). Но самым важным и вместе с тем наиболее слабым местом во всей статье является тот ее раздел, в котором делается попытка датировать различные этапы этого развития, в котором выводы Бунака — антрополога сопоставляются с археологическими фактами.

В. В. Бунак считает, что первый этап речи (по его схеме — переход от звуковых сигналов к зачаточным общим понятиям и древнейшему типу речи, выкрикам-призывам) надо связывать с нижним (и средним) палеолитом; второй этап — наличие более или менее обширного словаря и освоение соотношения понятий (простейшие формы связи явлений с его действием или состоянием — подлежащее и сказуемое) — он относится к верхнему палеолиту (стр. 273—275).

Но эта синхронизация очень слабо аргументирована. Нет никаких убедительных доказательств, что эти этапы надо синхронизировать с нижним и верхним палеолитом, а не иначе: например, отнести первый этап к дошелльской эпохе, а второй — к нижнему палеолиту. Это было бы даже правильнее, если согласиться с гипотетической схемой развития речи, предлагаемой В. В. Бунаком.

Никакого качественного скачка в общественном развитии человека на грани между нижним и верхним палеолитом вводить не следует, что не исключает возможности значительного изменения в физическом строении человека. Различие между нижним и верхним палеолитом не больше, чем между палеолитом и неолитом, во вся

¹ В. И. Ленин, Соч. т. XXV, стр. 361; ср. т. XXV, стр. 93.

ком случае в области развития производительных сил и производственных отношений. Не случайно колебание археологов в вопросе, отнести ли возникновение родового строя к верхнему палеолиту или к более позднему времени. Между тем авторы сборника, устанавливая свои два «качественных» скачка, не говорят прямо, в котором из них надо видеть возникновение человеческого общества. Для первого, в их терминологии, этапа они применяют выражения вроде «ранне-человеческое» (стр. 52), «полустадные формы жизни» (стр. 200), «обезьяно-люди» (стр. 52), «стадо» (рис. 52) и др.; второй этап (кроманьонец) характеризуется как «подлинно человеческое общество» (стр. 195), «завершающая и наиболее высокая стадия развития гоминид» (стр. 194) и др. Но читатель так и не получает прямого ответа на вопрос, где же начался человек и человеческого общества?

Не может быть принята попытка оторвать производителей искусственно сделанных орудий труда, устраивающих отапливаемые жилища, хоронящих своих покойников, передающих из поколения в поколение накопленный ими производственный опыт, цепи развития человеческого общества; невозможно отказать этим производителям в членораздельной речи; каким же образом могли они передавать друг другу свой производственный опыт? Неужели орудия мустьерской и даже шелльско-ашельской эпохи выделялись инстинктивно? Приписывание им стадного существования является попыткой с негодными средствами.

Из других статей первого отдела сборника особенно интересна для археологов статья С. Н. Замятина о локальных различиях в культуре палеолита. Крупнейший знаток палеолита С. Н. Замятин тщательно анализирует накопленные к настоящему времени факты и разоблачает расистские построения буржуазных археологов. Во второй части статьи С. Н. Замятин подробно излагает свою концепцию по вопросу о развитии техники производства орудий труда в нижнем (и среднем) палеолите. Совершенствование техники производства означено уже в шелльско-ашельскую эпоху скачок от животного к человеческому и закреплялось практикой.

Затем С. Н. Замятин рассматривает сложение в верхнем палеолите трех крупных вариантов культуры: «... в эту эпоху слагаются три крупные культурные области, своеобразие которых связано с длительной географической обособленностью отдельных частей человечества: африкано-средиземноморская, европейская приледниковая и китайско-сибирская, внутри которых можно наметить более дробные подразделения» (стр. 149 сл.).

Различие между тремя культурными зонами прослеживается в формах орудий труда и в искусстве. Эти различия объясняются тем, что «все эти усовершенствования (в технике верхнепалеолитической эпохи — А. Б.), вместе с засвидетельствованными в раскопках умением устраивать постоянные отапливаемые жилища и изготовлять меховую одежду, позволили верхнепалеолитическому человеку расширить ареал обитания на области, ранее недоступные для заселения.

Последнее обстоятельство, в свою очередь, должно было, конечно, оказать влияние на возникновение местного своеобразия отдельных областей, расположенных в разных климатических зонах и при различиях в других природных условиях» (стр. 146).

Я не думаю, что можно целиком согласиться с таким объяснением факта существования местных различий. Нельзя считать, что причиной этих различий был только географический фактор. Сам же С. Н. Замятин пишет, что эти различия не относятся к форме хозяйства, которое повсеместно было охотническим, и продолжает:

«Таким образом, и в этом случае, равно как и при рассмотрении памятников искусства, можно говорить только об исторически сложившейся изоляции... отдельных крупных групп человечества в верхнепалеолитическое время, продолжавшейся чрезвычайно долго — много тысячелетий.

Эта обособленность... неизбежно повлекла за собою возникновение свойственных только какой-либо одной области... привычных форм орудий и оружия, своеобразного устройства жилищ, особой формы одежд и украшений, иного характера орнаментов, самобытной манеры в изобразительной деятельности и т. д.

Само собой понятно, что различия эти в живой действительности были более ощутимы, чем это улавливается в отрывочных сведениях, доставляемых археологическими исследованиями, которые вовсе или почти не могли осветить некоторые стороны культуры.

Так, например, надо думать, что не менее ощутительные различия должны были существовать в языке...» (стр. 146—147).

После таких слов надо было ожидать, что автор сделает дальнейший вывод и, раз зашла речь о различиях в языке, что-нибудь скажет по вопросу об этническом делении человечества в верхнепалеолитическую эпоху. Но С. Н. Замятнин, резко оборвав на этой фразе, переходит дальше к характеристике мезолита.

Во всей статье совершенно не затронуты вопросы этногенеза, что составляет слабую сторону этой ценной в других отношениях статьи. Создается впечатление, что С. Н. Замятнин намеренно уклонился от рассмотрения этногенетических вопросов. Между тем от него, как от одного из крупнейших знатоков палеолита, мы вправе требовать в такой статье хотя бы краткого изложения его взгляда на эти вопросы. Неизвестно даже, разделяет ли он концепцию В. П. Якимова, Я. Я. Рогинского и В. В. Бузака по вопросу о человеке (или «обезьяно-человеке»), содержащуюся в трех статьях того же самого отдела, в котором помещена и статья С. Н. Замятнина. Ведь это — один из основных вопросов антропогенеза и, как я уже отметил, в предисловии говорится что по основным вопросам между авторами сборника имеется общность взглядов. Если же так, то как согласовать представление о «ненастоящих» людях в нижнем (и среднем) палеолите с теми действиями этих «ненастоящих» людей, этих «обезьяно-людей», которые привели к «выработке устойчивых форм орудий труда», которые так хорошо описаны С. Н. Замятниным.

*

Из статей второго раздела сборника «Древнейшее расселение человечества» я коснусь только общей статьи Г. Ф. Дебета, Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чехова. Статья эта в количественном отношении является скорее археологической, чем антропологической. Но, к сожалению, именно археологическая часть статьи в ряде мест оставляет желать лучшего. Прежде всего в этой части статьи имеется немало ошибок, а в некоторых случаях авторы на нескольких строчках дают два совершенно противоположных толкования фактов, что не может не вызывать недоумения. Так, например, они пишут (стр. 439): «Независимо от решения вопроса о переселениях, фатьяновская культура в целом слагалась там, где мы ее находим. Но по форме и орнаментации горшков она настолько отличается от соседних и одновременных с нею культур ямочно-гребенчатой и сетчатой керамики, что почти невозможно предположить ее местное происхождение». Авторы этих фраз напоминают пресловутую гадалку, которая, не желая ошибаться, предсказывала: «Встретится тебе блондин с черными волосами». Так же неопределены постоянные ссылки авторов на «связи населения какой-либо области с населением других областей».

Авторы статей предупредили в предисловии, что привлеченные данные смежных дисциплин не претендуют на полноту, но, к сожалению, они не только не полны, но иногда взяты произвольно, без критики используемого источника. Так, оказались привлеченными некоторые выводы, сделанные этнографами, археологами и историками, использовавшими для этих выводов марровское «новое учение» о языке. Например, весь абзац о процессе индоевропеизации автохтонного населения европейского Средиземноморья взят без слова критики из явного марровской статьи С. П. Толстова¹, на которую авторы сами ссылаются.

То же мы найдем и во втором абзаце на стр. 431, где авторы статьи пересказывают своими словами выводы А. Д. Удальцова из статьи «К вопросу о происхождении индо-

¹ С. П. Толстов, Проблема происхождения индоевропейцев, КСИЭ, 1946 № 1.

европейцев» (КСИЭ, 1946, № 1), написанной на основании, как сообщает сам автор «общих положений, которые были развиты еще в 1923—1924 гг. акад. Н. Я. Марр в его работе „Индоевропейские языки Средиземноморья“». Зачем авторам рассматриваемой статьи нужно было популяризировать эти работы в сборнике вышедшем в 1951 г.?

Некоторые фактические данные, приведенные авторами в статье, — неверны. Так например, при описании Мариупольского могильника (стр. 425) отмечены «черты сходства с инвентарем погребений неолитических охотников Карелии и Сибири (украшения из клыков кабана и другие особенности)». Авторы не назвали этих особенностей, очевидно, потому, что их не существует. Нельзя же назвать особенностью засыпку могил охрой, что вообще имело широкое распространение и вызвано было, вероятно не только требованиями ритуала, но и практическими соображениями — необходимостью отметить место могилы. Нет в Мариупольском могильнике ни сидячих, ни стоячих погребений, как в Оленьеостровском могильнике в Карелии, а в Карелии нет могильника, в котором погребенные лежали бы многоярусными рядами в широком ряду, как в Мариупольском могильнике. Различны и типы вещей в обоих могильниках.

Авторы почему-то отрывают катакомбную культуру от ямной и рассматривают первую, как признак переселения или культурного влияния северокавказских племен (стр. 436). Но влияние северокавказских племен выразилось в катакомбной культуре как известно, только наличием некоторых типов бронзовых изделий, характерных для Северного Кавказа. Как уже давно показала О. Гранова¹ и как это подтверждают последними находками, катакомбная культура тесно связана с ямной, давшей начало ей и полтавкинской культуре.

Неверно утверждение, что топоры русско-карельского типа, массами встречающиеся в Карелии, являются якобы признаком культурного влияния Сибири на Европу. Вообще влияние культур древнесибирских племен, а тем более переселение этих племен на запад, в северные области Европы (стр. 424) сильно преувеличивается авторами статьи. Не менее преувеличено утверждение, что неолитическая культура в центральных областях РСФСР постепенно переходит в новую культуру городищ и т. п. О. Н. Бадер и П. Н. Третьяков «в ряде пунктов проследили все этапы этого постепенного перехода» (стр. 438). Неверно также указание, что племена фатьяновской культуры надо считать пришельцами с Кавказа (стр. 440). Серия фатьяновских могильников (или, вернее, «предфатьяновских») по рр. Десне и верхней Клязьме (Вшиж, Мыс Очкинский, Большебуньковский могильник) с инвентарем, наиболее близким к инвентарю Балановского могильника, достаточно ясно указывает путь «балановцев» со Среднего Днепра.

Вопреки утверждению авторов (стр. 451), никаких ананьинских вещей в неолитических стоянках Карелии еще не находили (и не найдут, так как даты тех и других не совпадают). Правда, у сел. Бабыя Губа случайно найдена половина литейной формы для отливки кельта, по типу близкого к ананьинским (но не ананьинского), но связывать эту находку с неолитическими стоянками невозможно.

В последних разделах статьи авторы сильно преувеличивают роль хазарской «державы» (стр. 455).

И, наконец, нельзя не пожалеть, что авторы статьи иногда весьма распространено толкуют мнение одного-двух археологов и, не называя их по именам, приписывают это мнение «советским археологам» вообще (стр. 439, начало последнего абзаца), или прибегают к неопределенному выражению «предполагают», не говоря, кто предполагает (стр. 436, последний абзац). Это дезориентирует читателя.

Статья о проблемах заселения Европы значительно уступает другим статьям сборника: она слишком перегружена фактами, а выводы иногда недостаточно аргументированы. Было бы лучше, если бы авторы ограничились выводами из одних авторских

¹ В статье «Генетическая связь ямной и катакомбной культуры». Труды ГИМ, вып. 8.

исторических данных, не привлекая археологического материала, загромоздившего статью и совершенно неиспользованного при подведении окончательных итогов (с. 463 сл.).

Критикуя некоторые стороны содержания сборника, я не имел в виду содержание сборника в целом. Сборник этот представляет большую ценность и несомненный интерес. Более того, возражая против гипотезы о двух равнозначных качественных скачках в развитии человека и против представления о древнейших людях нижнего (и среднего) палеолита, как о стадах обезьяно-людей, я высказал только свое мнение. Возможно, что этот вопрос надо считать дискуссионным.

В сборнике затронуто так много вопросов, близко соприкасающихся с темами, работаваемыми археологами, что было бы крайне желательно, чтобы по этим вопросам выступили и другие археологи, особенно археологи, изучающие палеолитическую эпоху.

А. Я. Брюсов